

На правах рукописи

Сосницкий Дмитрий Александрович

**Историческая память о допетровской Руси в России второй половины
XIX – начала XXI вв.**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2015

Работа выполнена на кафедре истории России с древнейших времен до XX века
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель:

Ростовцев Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Цамутали Алексей Николаевич, доктор исторических наук, главный научный
сотрудник ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории РАН»

Потапова Наталья Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент НОУ
ВПО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Ведущая организация

ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»
(РГГУ)

Защита состоится «27» января 2016 года в 16 часов 30 минут на заседании
совета

Д 212.232.57 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу: Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, д. 5, Институт истории, ауд. 70.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., д. 7/9), на сайте srbu.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

 А.В. Петров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Историческая память – это совокупность представлений о прошлом, в которых отражается оценка и восприятие исторических событий, личностей и явлений. Постепенное увеличение интереса к этой теме в российской историографии закономерно, так как историческая память служит основой национальной самоидентификации¹. Можно согласиться с тем, что историческая память во многом определяет отношение человека к своей стране и воспитывает патриотические чувства, поэтому вполне обоснованным видится стремление как государства, так и различных социальных групп и политических сил, влиять на процесс ее формирования. Очевидно, что историческая память как многогранное явление находится под воздействием значительного количества факторов. Среди источников ее формирования устная традиция, художественная литература, школьные учебники, коммеморации, кинематограф и многое другое.

Хронологические рамки работы ограничены, с одной стороны, серединой XIX столетия – началом эпохи, воплотившей в себе коренные перемены в мировоззрении российского общества, с другой стороны, нашим временем.

---

¹ Нами используется принятая в литературе терминология, связанная с *memory studies* (см., напр.: *Хальбвакс М. Социальные рамки памяти.* М., 2007; *Le Goff J. Histoire et mémoire.* Paris: Gallimard, 1988; *Андерсон Б. Воображаемые сообщества.* М., 2001; *The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger.* Cambridge, 1983; *Рикер П. Память, история, забвение.* М., 2004; *Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности.* М., 2004. Впрочем, следует подчеркнуть, что в современной историографии термины, относящиеся к тематике мемориальных исследований не всегда четко разграничены (*коллективная и историческая память, историческая память и историческое сознание* и т.п.). Об этом см., напр.: *Зверева В.В., Репина Л.П., Парамонова М.Ю. История исторического знания.* М., 2004. С. 119–124; *Цыткин Д.О., Шibaев М.А. 1612 и 1812 годы в современном массовом историческом сознании (к постановке проблемы) // 1612 и 1812 годы как ключевые этапы в формировании национального исторического сознания: сб. науч. трудов.* СПб., 2013. С. 6–15; *Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика.* М., 2011. С. 411–431; *Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика.* М., 2014.

Объект исследования – историческая память российского общества второй половины XIX – начала XXI вв.

Предмет исследования – историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв. Объединение в единый комплекс исторических представлений о допетровской Руси оправдано тем, что в российском общественном сознании «допетровская Русь» очевидно отграничивалась и противопоставлялась «новой России»².

Цель работы – системная характеристика представлений о допетровской Руси в коллективной памяти российского общества середины XIX – начала XXI вв.

В ходе работы решались следующие *задачи*:

1) анализ основной историографии отечественных мемориальных исследований, посвященных проблематике диссертации;

2) характеристика социального и государственного заказа к формированию представлений о допетровской Руси в картине исторической памяти россиян во второй половине XIX – начале XXI вв.;

3) разработка методики работы с нарративными и аудиовизуальными источниками в мемориальных исследованиях;

4) выявление наиболее значимых комплексов источников формирования исторической памяти в России во второй половине XIX – начале XXI вв. и создание репрезентативной выборки по определенным группам источников;

5) развернутый анализ источников с целью выявления наиболее востребованных обществом объектов исторической памяти;

6) выявление основных дискурсов национальной памяти о допетровской Руси в исследуемый период;

---

² См., напр.: *Стенник Ю.В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб., 2004; *Святославский А.В.* История России в зеркале памяти. М., 2013. С. 186–187; *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в послед. трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2001. С. 28–30; *Малинов А.В.* Очерки по философии истории в России в 2 т. СПб., 2013. Т. 1. С. 31–32.

7) определение наиболее действенных механизмов формирования исторической памяти в России второй половины XIX – начала XXI вв.;

8) определение места допетровской Руси на карте памяти российского общества;

9) исторической прогностики – выявления перспектив востребованности отдельных героев, событий и всего периода допетровской Руси в историческом сознании россиян в будущем.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые была осуществлена комплексная реконструкция исторической памяти о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв. Полученные результаты позволили отразить степень и результаты влияния на историческую память россиян различных типов источников, охарактеризовать социальный контекст исследуемой эпохи, определить господствующие в массовом сознании исторические дискурсы и выявить наиболее востребованные объекты национальной памяти.

Степень разработанности темы исследования. В настоящее время изучение исторической памяти выделилось в отдельное, интенсивно развивающееся научное направление. Тематике *memory studies* посвящены многочисленные конференции и круглые столы, проводимые в ведущих университетах Европы и Америки, а также многочисленные сборники статей, монографии и периодические издания³.

Интерес к исторической памяти как феномену коллективного или массового мышления возник в западной интеллектуальной традиции на рубеже XIX–XX вв. и находится на вершинах популярности уже более столетия. Теоретические основы изучения этого феномена заложены трудами М. Хальбвакса⁴, Ж. Ле Гоффа⁵, П. Рикера⁶, Б. Андерсона⁷, Я. Ассмана⁸, Й.

³ См., напр.: Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже... С. 451–502.

⁴ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., 2007.

⁵ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

⁶ Рикер П. Память, история, забвение/Пер. с фр. И.И. Блауберг и др. М., 2004.

⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

Рюзена⁹, П. Хаттона¹⁰, Д. Лоуэнтала¹¹, М. Ферро¹² и многих других¹³. «Мемориальный бум», начало которого обычно относят к 1980-м годам, напрямую связан с исследованиями историков третьего и четвертого поколений школы «анналов». Среди этих текстов необходимо выделить Бернара Гене с его трудом «История и историческая культура средневекового Запада»¹⁴ (1980) и глобальный проект под руководством французского историка Пьера Нора «Франция–память» (1984–1992), целью которого было выделение основных мест национальной памяти в самосознании французов¹⁵. Такая востребованность темы исторической памяти объясняется как правило поисками национальной идентичности и стремлением найти альтернативы пути, по которому пошло то или иное общество. Именно поэтому в России особую популярность мемориальные исследования начинают набирать в 90-х годах XX в.

Большая часть теоретических работ по изучению исторической памяти россиян как таковой (с точки зрения истории, психологии, социологии), а также многообразия ее разновидностей: коллективной, культурной, социальной; и исследований, посвященных отражению в национальной памяти образов исторических героев и событий, создана в последние 5–10 лет. В России работы такого плана чрезвычайно актуальны, т.к. изучение исторической памяти помогает по-новому взглянуть на формирование исторического сознания как в современной России, так и в недавнем советском прошлом.

---

⁸ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

⁹ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории: (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. М., 2001. Вып. 7. С. 7.

¹⁰ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.

¹¹ Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004.

¹² Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с франц. М., 2010.

¹³ См., напр.: Васильев А. Memory Studies: единство парадигмы – многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 117. С. 461–480; Хапаева Д.Р. Время космополитизма. Очерки интеллектуальной истории. СПб., 2002.

¹⁴ Гене Б. История и историческая культура средневекового запада / Пер. с фр. Е.В. Баевской. М., 2002.

¹⁵ Нора П. Франция–память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999.

Большую часть российских работ по исторической памяти можно разделить на две основные группы: 1) сочинения, посвященные изучению той или иной группы источников формирования массовых представлений о прошлом; 2) работы, рассматривающие процесс формирования коллективной памяти о том или ином конкретном объекте (исторический герой, событие или явление).

Наиболее популярными направлениями исследований становятся изучение образа истории России в учебных пособиях¹⁶, процесса формирования содержания учебников¹⁷ и государственной политики в сфере школьного образования¹⁸.

В то же время мы не можем не указать на то обстоятельство, что на фоне массива современных работ, посвященных мемориальной тематике, историческая память о допетровской Руси привлекает внимание весьма небольшого числа исследователей. Остановимся подробнее на текстах, посвященных непосредственно этой проблематике. Ряд исследований рассматривает процесс эволюции образа того или иного персонажа допетровской русской истории в историческом сознании российского общества. Одним из первых крупных трудов по этой теме стала обстоятельная монография Ф.-Б. Шенка, в которой изучен процесс трансформации образа Александра Невского в русской культурной памяти. Автор исследует житийную и летописную традиции, художественную литературу, историографию и массу других источников для реконструкции образа святого

---

¹⁶ См., напр.: *Потанова Н.Д.* Дидактика конфликта: Война 1812 года в школьных учебниках истории // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 118. – С. 95-113; *Поваляева Н. Е.* История Отечества до начала XX века в современных учебниках: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

¹⁷ *Пепелина Н.И.* Из истории народного образования в СССР в 1930-х годах: работа над школьным учебником отечественной истории // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2013. № 2. С. 19–32; *Цыткин Д.О., Шибяев М.А.* 1612 и 1812 годы в современном историческом сознании (к постановке проблемы) // 1612 и 1812 годы как ключевые этапы в формировании национально-исторического сознания: сб. научных трудов. СПб., 2013. С. 6–15.

¹⁸ *Поникарова Н.М.* Министерство народного просвещения и школьное образование по русской истории. 1864–1917: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

благоверного князя Александра Ярославича Невского начиная с XIII столетия и до наших дней¹⁹. Процессу создания и последующего восприятия образа Александра Невского в кинофильме «Александр Невский» посвящена работа петербургских историков Ю.В. Кривошеева и Р.А. Соколова²⁰.

Несмотря на существование работ, направленных на изучение памяти о Владимире Святом²¹, Александре Невском²², Сергии Радонежском²³, Дмитрии Донском и Куликовской битве²⁴, а также некоторых других событиях и героях, наибольшее количество исследований, реконструирующих представления о персонажах допетровской русской истории связано с Иваном Грозным. Рассмотрению эволюции образа Ивана Грозного в русской культуре и искусстве XIX–XX вв. посвящена монография Н.Н. Мутьи «Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв.». Эта работа представляет собой развернутую характеристику образа Ивана IV в фольклоре, архитектуре, литературе, театре, живописи, историографии, скульптуре, музыке, кинематографе России XIX–XX в. Автор подробно проанализировал большое количество художественных произведений, сценариев и рецензий на театральные постановки, полотна исторической живописи и т.д. Н.Н. Мутья описывает процесс «смены лидера» среди видов

¹⁹ Шенк Ф.-Б. Указ. соч.

²⁰ Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. «Александр Невский»: создание киношедевра. Историческое исследование. СПб., 2012.

²¹ Сосницкий Д.А. Владимир Святой в исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XXI века (по материалам нарративных источников) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2014. № 3 (203). С. 100–106.

²² См., напр.: Соколов Р.А. Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. СПб., 2014; Толочко П. П. В защиту Александра Невского // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83. № 2. С. 120–123.

²³ См., напр.: Смурова К.Р., Подольская И.А. Преподобный Сергий Радонежский глазами художников // Традиционные национально–культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2013. № 6. С. 173–176; Данилевский И. Как Сергий Радонежский стал героем Куликовской битвы // Родина. 2014. № 5. С. 11–15.

²⁴ См., напр.: Юрганов А.Л. Историческая феноменология: «не объяснять, а понимать» // Россия XXI. 2010. № 1. С. 176–187; Петров А. Память о Куликовской битве как образ российских трансформаций // В мире науки. 2011. № 7. С. 76–87.

искусства по степени влияния на широкие массы общественности: от художественной литературы до кинематографа. Автор подробно характеризует как процесс создания образа идеального правителя и спасителя отечества, так и меры по дегероизации Ивана Грозного²⁵.

Образ Ивана Грозного (наряду с Петром Великим) рассматривается в книге О.Б. Леонтьевой «Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв.»²⁶. О.Б. Леонтьева в параграфе, посвященном Ивану IV пытается проследить эволюцию исторических представлений о нем в культуре и искусстве России XIX – начала XX столетия, делая упор на изучение профессиональных исследований, открытых лекций, театральных постановок, исторической живописи. Автор указывает на взаимовлияние источников – официальной историографии на художественные произведения, театральных постановок на интерес к личности правителя профессиональных историков²⁷. В работах О.Б. Леонтьевой (разработкой этих вопросов также активно занимается Т.А. Сабурова) большое внимание уделяется таким сюжетам, несомненно, оказывающим серьезное влияние на национальную историческую память, как формирование исторических взглядов интеллигенции, процесс конструирования представлений о национальной истории в рамках различных течений общественной мысли, становление исторической науки в пореформенной России²⁸.

---

²⁵ Мутья Н.Н. Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб., 2010.

²⁶ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011.

²⁷ Там же. С. 209.

²⁸ Леонтьева О.Б. Власть и народ в зеркале исторических представлений российского общества XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М., 2010. С.844–884; Личность Ивана Грозного в исторической памяти российского общества эпохи великих реформ: научное знание и художественный образ // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 19–34; Сабурова Т.А. «Связь времен» и «горизонты ожиданий» русских интеллектуалов XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М., 2010. С. 302–331.

Трактовке образа Ивана IV в популярном советском фильме «Иван Васильевич меняет профессию» посвящена статья И.Б. Михайловой. В работе выявлены проведенные режиссером параллели между советской действительностью и Россией времен опричнины Ивана Грозного²⁹.

Одной из последних комплексных работ, посвященных формированию исторического сознания россиян, стала монография А.В. Святославского. В сочинении под названием «История России в зеркале памяти» одна из глав посвящена материальной культуре эпохи древней Руси и Московского царства³⁰. Автор выделяет ряд памятников древнерусской культуры, которые выступали объектами мемориализации в эпоху средневековья. В их числе А.В. Святославский называет памятники древнерусской эпиграфики, скульптуры, письменности и т.д. Частично им также рассмотрен процесс трансформации образов различных деятелей средневековой русской истории в массовом историческом сознании с древнейших времен и до наших дней. Большое внимание исследователь уделяет монументальной скульптуре и социологическим опросам (применительно к постсоветской эпохе). Так, анализируя данные социологических опросов о предпочтениях туристов, посещающих Москву и окрестности, А.В. Святославский приходит к выводу, что в число первых пяти наиболее желательных для увековечивания объектов памяти входят три героя допетровской русской истории: Александр Невский, Сергей Радонежский и Дмитрий Донской³¹. Процесс восприятия русской истории в массовом сознании российского крестьянства XIX – начала XX вв. рассмотрен в исследовании А.В. Буганова³².

Необходимо остановиться также на зарубежной литературе, посвященной изучению российской исторической памяти. Однако, если в России память о

²⁹ Михайлова И.Б. С юбилеем, «Иван Васильевич»! Кинокомедия Л.И. Гайдая: «смешно, но не только...» // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 143–156.

³⁰ Святославский А.В. История России в зеркале памяти. М., 2013. С. 157–175.

³¹ Святославский А.В. Указ. соч.

³² Буганов А.В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 2013.

допетровской Руси оказывается на периферии исследовательских интересов, то зарубежные историки уделяют этой тематике еще меньше внимания. Это особенно очевидно на фоне целого потока научных текстов, предметом которых является память российского общества о первой и второй мировых войнах, репрессиях, советские коммеморации, изменения исторического сознания россиян в постсоветской России³³. Среди работ непосредственно по нашей тематике, помимо упомянутой выше монографии Ф.-Б. Шенка об Александре Невском, можно отметить исследования, связанные, прежде всего, с образом Ивана Грозного: например, в искусстве сталинской эпохи³⁴ или в современном российском историческом кино³⁵.

Таким образом, из массы современной научной литературы, посвященной проблематике функционирования исторической памяти в России, мы попытались выделить тексты, наиболее близкие к тематике нашего исследования, рассматривающие в том или ином ракурсе исторические представления россиян в XIX – начале XXI вв. Однако, необходимо отметить, что авторы данных работ уделяют внимание лишь некоторым группам источников формирования исторической памяти. При этом зачастую остается неясным как процесс формирования источниковой базы проводимого исследования, так и механизм анализа отобранных источников. Это

---

³³ См., напр.: *Lezina E.* Memorial and its history: Russia's historical memory (Article) // *Osteuropa*. 2014. Vol. 64. Iss. 11–12. P. 165–176; *Lopata R.* Russia's politics of history // *Politologija*. 2013. Vol. 4. Iss. 72. P. 3–42; *Brandenberger D.* Propaganda state in crisis. Soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–194. Stanford (Calif.) New Haven London, 2011; *Petrone K.* Life has become more joyous, comrades. celebrations in the time of Stalin / Karen Petrone. Bloomington Indianapolis, 2000; Rites of place. public commemoration in Russia and Eastern Europe / Ed. a. with an introd. by Julie Buckler a. Emily D. Johnson. Evanston, 2013.

³⁴ *Brandenberger D., Platt M. F.* Kevin Terribly Pragmatic: Rewriting the History of Ivan IV's Reign, 1937–1956 // *Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda*. Madison, 2006. pp. 157-178. См. также: *Platt M. F.* Kevin Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths. Ithaca, N.-Y., 2011. *Platt M. F.* Kevin Allegory's Half-Life: The Specter of a Stalinist Ivan the Terrible in Russia Today // *Penn History Review*. Vol. 17. № 2 (2010). pp. 9-24.

³⁵ *Norris S.M.* Blockbuster history in the New Russia: Movies, memory, and patriotism. Nebraska, 2012; *Halperin C.J.* Ivan the terrible returns to the silver screen: Pavel Lungin's film Tsar // *Studies in Russian and Soviet Cinema*. 2013. Vol. 7. Iss.1, March. P. 61–72.

обстоятельство является слабым местом большинства работ, т.к. выборка источников для анализа в большинстве случаев представляется не до конца обоснованной.

Следует иметь в виду, что имеется обширная литература, посвященная исторической памяти собственно допетровской Руси и России XVIII в., времени – когда были сформированы многие мифы, существовавшие в историческом сознании россиян в XIX–XX вв. Среди работ, посвященных данной проблематике имеют значение, в частности, труды В.И. Ведюшкиной³⁶, И.Н. Данилевского³⁷, К.Ю. Ерусалимского³⁸, С.И. Маловичко³⁹, А.Е. Петрова⁴⁰, А.В. Сиренова⁴¹, А.С. Усачева⁴², А.И. Филюшкина⁴³, Б.Н. Флоры⁴⁴ и других. Результаты этих исследований создали прочную контекстуальную базу и для наших штудий, поскольку они показывают происхождение той системы представлений о прошлом, интерпретация которой в сознании людей более поздней эпохи стала предметом нашего изучения.

---

³⁶ *Ведюшкина И.В.* Историческая память домонгольской Руси: религиозные аспекты // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 554–608.

³⁷ *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков. М., 1999.

³⁸ *Ерусалимский К.Ю.* Понятие «История» в русском историописании XVI века // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Отв. ред. и сост. Л.П. Репина. М., 2003. С. 365–401.

³⁹ *Маловичко С.И.* Конструирование социально-политической истории Древней Руси в историописании Екатерины II // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 6. С. 368–386.

⁴⁰ *Петров А.Е.* Эволюция памяти о Куликовской битве 1380 г. в эпоху становления Московского самодержавия (рубеж XV–XVI вв.): к вопросу о моменте трансформации места памяти // Исторические записки. 2004. Т. 7 (125). С. 35–56

⁴¹ *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010.

⁴² *Усачев А.С.* Древнейший период русской истории в исторической памяти Московского царства // История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 609–634.

⁴³ *Филюшкин А.И.* Иван Грозный против Европы. Ливонская война глазами современников и потомков. СПб., 2013.

⁴⁴ *Флоря Б.Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 9–27.

Теоретическая значимость работы заключается в применении оригинальной методики анализа исторической памяти российского общества. Полученные в рамках данного исследования эмпирические данные могут способствовать развитию мемориальных исследований о русском средневековье.

Практическая значимость работы. Материалы диссертации могут быть использованы для составления учебных курсов и программ по исторической памяти, истории русской культуры, методологии истории и новым направлениям исторической науки. Кроме того, полученные результаты могут быть использованы в исследованиях, посвященных историческому сознанию российского общества второй половины XIX – начала XXI в. Результаты диссертации могут быть использованы при составлении карты памяти россиян, учтены в формировании исторической политики в России на современном этапе.

Источниковая база исследования. Для достижения основной цели работы – реконструкции исторических представлений о допетровской Руси в коллективной памяти российского общества второй половины XIX – начала XXI вв. одной из главных задач, которую предстояло решить в рамках данного исследования, стало создание репрезентативной выборки источников, оказавших наибольшее влияние на массовое историческое сознание. Таким образом, в настоящей работе не ставилась задача анализа неопубликованных или малоизвестных источников, бытование которых в обществе носило объективно ограниченный характер. Напротив, были выделены группы источников, распространенных среди максимально широкой аудитории.

Разумеется, разные группы источников имеют отличный друг от друга характер и уровень воздействия на формирование исторической памяти. В фокусе нашей работы были основные комплексы источников, оказывающих определяющее влияние на культурную память общества, которая, в свою

очередь, задает базовые рамки исторической памяти в целом⁴⁵. В их числе: *нарративные* источники – учебные планы и учебные тексты для средней школы; художественная литература, в том числе историческая беллетристика; публицистические произведения; периодическая печать и *аудиовизуальные* источники – сетевой контент; историческая живопись; художественные фильмы; монументальная скульптура.

Методологическая основа исследования. Изложение диссертации построено на базе критического анализа источников и историографии. В рамках исследования были использованы различные методы, обусловленные теми целями и задачами, которые были поставлены в рамках данной работы. Приоритетное значение для настоящей работы имеет использование методов статистического анализа, в том числе случайной (вероятностной) выборки, позволившие определить источниковую основу для реконструкции комплекса исторических представлений россиян о допетровской Руси в России с середины XIX до начала XXI в. Особо следует указать на разработанную нами методику изучения нарративных источников. В рамках конструктивистской парадигмы все источники были условно разделены на две группы, в зависимости от содержания идеала будущего и видения прошлого. Эти группы мы отнесли к двум концепциям конструирования отечественной истории, доминирующим в российском общественном сознании XIX – начала XXI вв., которые обозначили как *традиционалистская* и *либеральная*. В качестве критерия формирования концепций был выбран «исторический идеал» государства в национальной истории⁴⁶. Исследование выбранных текстов проводилось с использованием метода *контент-анализа*. За единицу для анализа были приняты исторические

---

⁴⁵ См., напр.: Ретина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 10–11.

⁴⁶ Подробнее о методике см.: Цыпкин Д.О., Шибяев М.А., Карбаинов Н.И., Балаченкова А.П., Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Соловьев Д.В., Хохлова А.М., Шилов Д.Н., Кинчарова А.В., Павлов С.В., Петрова Е.В., Ржешевская А.Ю., Росузубу И.А., Сидорчук И.В., Сосницкий Д.А. Структурные конфликты в историческом сознании россиян как потенциальная угроза национальной безопасности: историко-социологический анализ. СПб., 2009. С. 12–13.

нарративы об объектах исторической памяти допетровской Руси, встречающиеся в текстах отобранных источников. Подробная характеристика таких объектов позволяет выявить тенденции в преподнесении явлений и событий, а также проследить механизмы непосредственного формирования национальной памяти. В ходе работы также была применена терминология, позволяющая разделить наиболее значимые объекты памяти на несколько категорий: *места консенсуса, конфликтные объекты и болевые точки*. К *местам консенсуса* можно отнести объекты, одинаково трактуемые во всех текстах, вне зависимости от принадлежности к какой-либо концепции. *Конфликтные объекты* – это те места памяти, которые по-разному трактуются в текстах, относящихся к различным концепциям. К *болевым точкам* же можно отнести объекты исторической памяти, которые различно интерпретируются даже в рамках одной концепции или произведения⁴⁷.

Положения, выносимые на защиту:

- Образ допетровской Руси в исторической памяти российского общества сформировался преимущественно к концу эпохи средневековья. Следствием этого стало восприятие всей допетровской отечественной истории как фона для последующих исторических событий и крайне ограниченное количество интерпретаций средневекового прошлого в общественном сознании в сравнении с историей «новой России».
- В качестве гипотезы предполагается, что статичность образа допетровской Руси является одной из причин сравнительно низкой популярности событий и персонажей допетровской истории в российском обществе второй половины XIX – начала XXI вв.
- Принципиальные перемены в исторической политике и государственной идеологии после революции 1917 г. способствовали уменьшению интереса к средневековой тематике. В постсоветский период в связи со значительными

⁴⁷Цыпкин Д.О., Шибяев М.А., Карбаинов Н.И., Балаченкова А.П., Ростовцев Е.А., Соловьев Д.В., Хохлова А.М., Шилов Д.Н., Кинчарова А.В., Павлов С.В., Петрова Е.В., Ржешевская А.Ю., Росугубу И.А., Сидорчук И.В., Сосницкий Д.А. Указ. соч. С. 232–241.

общественно-политическими изменениями наблюдается постепенное возвращение элементов исторической политики XIX – начала XX в. и, как следствие, некоторый рост интереса к допетровскому периоду истории России.

– На протяжении последних полутора столетий востребованным остается один и тот же пантеон исторических героев. Его лидеры – Иван Грозный, Владимир Святой, Александр Невский. Исключением является лишь Степан Разин, чрезвычайно востребованный в советский период.

– Обществу наиболее интересен период позднего средневековья – время Опричнины, Смуты, т.н. «бунташный век».

– Практически все события, явления и исторические герои коллективной памяти о русском средневековье можно отнести к числу консенсусных объектов. Лишь некоторые события воспринимаются критически или неоднозначно. Самый яркий пример подобных объектов – Иван IV Грозный. В этом отношении допетровский период российской истории резко отличается от востребованных героев и событий эпохи «новой России», большинство которых получают крайне противоречивую интерпретацию в источниках формирования исторической памяти.

– В качестве гипотезы выдвигается предположение о том, что на протяжении всего исследуемого периода образ допетровской Руси в исторической памяти ретранслировался преимущественно интеллектуальной элитой и в несколько измененном виде перенимался в массовом сознании.

– Наибольшее влияние на историческую память россиян на протяжении всего периода оказывали нарративные источники, в обязательном порядке изучавшиеся в школе: учебники по истории России и литературе, художественная и публицистическая литература. Транслируемые в таких текстах образы русской истории на протяжении наибольшего времени остаются в массовом историческом сознании.

– На данный момент отсутствуют предпосылки серьезного роста популярности допетровской Руси в массовом историческом сознании, несмотря на то, что в

рамках государственной исторической политики предпринимаются попытки актуализации этой эпохи в исторической памяти.

– На протяжении всего изучаемого периода существовали альтернативные версии допетровской истории России – официальная (конструируемая в рамках государственной исторической политики) и общественная (формируемая независимыми от власти источниками).

Степень достоверности и апробация результатов. Методика анализа нарративных источников, примененная в диссертационном исследовании, использовалась при реализации следующих проектов – «Структурные конфликты в историческом сознании россиян как потенциальная угроза национальной безопасности: историко-социологический анализ»⁴⁸ и «Российская историография с древнейших времен до 20-х гг. XX века: проблемы периодизации, взаимодействие научных парадигм и закономерности развития в общественно-политическом контексте»⁴⁹.

Материалы и проблематика диссертации были положены в основу ряда статей, посвященных исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XXI вв.⁵⁰, представлены на нескольких научных

⁴⁸ Цыпкин Д.О., Шibaев М.А., Карбаинов Н.И., Балаченкова А.П., Ростовцев Е.А., Соловьев Д.В., Хохлова А.М., Шилов Д.Н., Кинчарова А.В., Павлов С.В., Петрова Е.В., Ржешевская А.Ю., Росугубу И.А., Сидорчук И.В., Сосницкий Д.А. Указ. соч.

⁴⁹ Дворниченко А.Ю., Белоусов М.С., Корзинин А.Л., Верняев И.И., Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А., Амосова А.А., Шагинян А.К. Российская историография с древнейших времен до 20-х гг. XX века: проблемы периодизации, взаимодействие научных парадигм и закономерности развития в общественно-политическом контексте. СПб., 2012.

⁵⁰ Сосницкий Д.А.: 1) Владимир Святой в исторической памяти российского общества второй половины XIX–начала XXI века (по материалам нарративных источников) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2014. №3 (203). С. 100–106; 2) Иван Грозный в исторической памяти русского народа (на материалах художественной, публицистической и учебной литературы) // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова): Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. 3) Павел I и Александр I в исторической памяти российского общества конца XX – начала XXI вв.: на материале нарративных источников // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. №11. С. 241–256. (в соавторстве с Е.А. Ростовцевым) 4) Уже не Палкин? Николай I в зеркале российской исторической памяти // Родина. 2013. № 3. С. 128–130. (в соавторстве с Е.А. Ростовцевым) 5) "А напивался в

конференциях («Личность в истории в новое и новейшее время», 2009 г.; «К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России», 2013 г. и др.) и заседаниях Исторического общества при Европейском университете в Санкт–Петербурге.

Структура работы. Цель и задачи исследования определил его структуру. Диссертационное сочинение состоит из введения, трех глав, разделенных на тематические параграфы, заключения, списка источников и литературы, списка иллюстративных материалов и приложений. Объем диссертационного исследования составляет более 16 п.л.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обоснована актуальность выбранной темы, определены цели и задачи, предмет и объект исследования, обозначены теоретическая и практическая значимость работы, хронологические рамки, рассмотрены источниковая база и методология проведенного исследования, дан развернутый анализ историографии вопроса.

Первая глава посвящена изучению исторической памяти о допетровской Руси в России второй половины XIX – начале XX вв. В параграфе «Допетровская Русь в исторической политике российского самодержавия и восприятии российского общества: источники формирования исторической памяти и социальный контекст» дается оценка основных источников, формирующих коллективную историческую память в России второй половины XIX – начала XX вв. Официальные идеологические установки, заключающиеся в популяризации и актуализации некоторых событий допетровской отечественной истории, оказываются невостребованными в обществе. Школьная программа по литературе посвящает значительную часть учебного времени изучению произведений о допетровской истории России, содержание

одиночку": Александр III в исторической памяти русского общества // Родина. 2015. № 2. С. 136–138. (в соавторстве с Е.А. Ростовцевым) 6) Человек и легенда. Почему Столыпин попал в пантеон российских героев? // Родина, 2012. № 4. С. 112–117 (в соавторстве с Е.А. Ростовцевым) и др.

которой во многом преподносится бесконфликтно. В то же время художественная литература, отвечающая современным вызовам общества и выполняющая его заказ, оставляет эту эпоху вне своего внимания. При этом публицисты охотно используют средневековое прошлое в качестве исторического фона для своего повествования и черпают из него многочисленные примеры для сравнения с настоящим. Еще одной особенностью этого периода, является неподдельный интерес к истории допетровской Руси со стороны наиболее массового искусства: монументальной скульптуры и кино. Если применительно к скульптуре мы можем говорить о ярко выраженном государственном заказе, то кино, которое в дореволюционной России создавалось частными производителями, – яркий пример воплощения зрительского интереса и этот интерес зачастую был обращен к сюжетам из истории допетровской Руси. Во втором параграфе «Допетровская Русь в системе исторических представлений российского общества второй половины XIX – начала XX вв.» проанализирован комплекс представлений о прошлом россиян пореформенной эпохи. Исходя из полученных данных, нами был сделан вывод, что наибольшей популярностью в это время пользовались объекты национальной памяти, относящиеся к периодам сильной централизованной власти в России и к позднему средневековью (X, XVI и XVII вв.). Наименьший интерес общество испытывало к XI и XII вв. Также в ходе анализа материала были определены наиболее значимые места консенсуса (Крещение Руси, Куликовская битва, Дмитрий Донской, Александр Невский, Владимир Святой), конфликтные объекты (Андрей Курбский, Борис Годунов) и болевые точки национальной памяти (Иван Грозный).

Полученные в результате анализа многочисленных источников данные подтверждают тезис о том, что в России второй половины XIX – начала XX в. не существовало единого комплекса представлений о допетровской Руси и господства какой-либо концепции отечественной истории. Власть предпринимала попытки воспитания молодого поколения в патриотическом,

государственническом духе. Для этого сюжеты из допетровской истории России включались в школьную программу и в тексты учебников для средней школы. Акцент в них делается не на кризисных, переломных моментах отечественной истории, а на периодах торжества внутренней или внешней государственной политики – Крещении Руси, присоединении Сибири и восхождении на престол новой династии Романовых. При этом в востребованных обществом художественных и публицистических текстах, а также на страницах периодической печати допетровская Русь выступает лишь историческим фоном, а упоминание некоторых персонажей и вовсе носит «церемониальный» характер. В качестве гипотезы мы выдвинули предположение о том, что во второй половине XIX – начале XX вв. в среде интеллектуальной элиты тема допетровской Руси постепенно становилась все менее популярной, что, однако не сказывалось на ее востребованности в массовом сознании. Таким образом, необходимость искусственной поддержки популярности сюжетов о допетровской истории России в исторической памяти отсутствовала. Но даже в таких, относительно благоприятных условиях, очевидна несостоятельность государственной исторической политики в этой бесконфликтной области национальной памяти.

Наряду с официальным видением допетровской отечественной истории (ведущие объекты – Владимир Святой, Крещение Руси, Иван III, воцарение дома Романовых), общественность формирует свой пантеон героев – Иван Грозный, Андрей Курбский, Опричнина, Смута, Степан Разин. Два соперничающих между собой дискурса, безусловно, имеют точки пересечения. К ним можно отнести Ярослава Мудрого, татаро–монгольское иго, Дмитрия Донского. Между тем, для общества эти события и герои были слишком бесконфликтны и позитивны, а государство сосредоточило свой интерес на нескольких известных «идеальных» персонажах, также безуспешно пропагандируя сравнительно малоизвестные образы. Однако, даже народная любовь к Владимиру Святому и Александру Невскому требовала постоянной подпитки. Ослабление государственной поддержки мгновенно отражалось на

уровне их популярности. Возможно, причина этого крылась именно в излишней идеализации образов этих князей в рамках государственной политики памяти. Сложные и противоречивые Иван Грозный и Опричнина, Борис Годунов и Смута интересовали общество своей многогранностью, открытостью для трактовок и толкований и возможностью не просто включения, но и активного использования в различных схемах национальной истории.

Предметом *второй главы* стали основные инструменты и тенденции формирования исторической памяти о допетровской Руси в советский период. В параграфе «Допетровская Русь в исторической политике советской власти и восприятии народа: источники формирования исторической памяти и социальный контекст» дана характеристика наиболее массовых источников исторической памяти в советский период – времени строгого контроля со стороны государства за информационным полем и господством государственного заказа в различных сферах культуры и искусства. Результаты анализа по всем группам источников, позволяют нам с уверенностью говорить о том, что образ допетровской Руси оказался практически не востребованным ни в общественном дискурсе, ни властью. Из школьных программ эта тема была вытеснена сюжетами, связанными с революциями начала XX века, периодом становления советской власти, событиями Гражданской и Великой Отечественной войн. При этом допетровская Русь не удержала своих позиций и в кинематографе – нишу исторического кино заняли те же сюжеты, что и в школьных учебных планах – русские революции, Гражданская и Великая Отечественная войны. Поворот к национальной истории в середине 1930-х годов способствовал реабилитации традиционно востребованных в массовом сознании персонажей (например, таких как Александр Невский), но не включил в исторический кругозор советского человека новые события и героев допетровской истории России. В редких случаях (например, в годы Великой отечественной войны) образы героев средневековой русской истории все же эксплуатировались, но они так и не стали действительно значимым оружием в арсенале советских идеологов. Подобные обстоятельства способствовали

низкой популярности этого периода отечественной истории и в дальнейшем. Во втором параграфе «Допетровская Русь в системе исторических представлений советского общества» дана развернутая характеристика наиболее востребованных объектов национальной памяти и проведено сравнение картины исторической памяти советского общества с дореволюционными представлениями о русском средневековье. В новых общественно-политических условиях властью была предпринята попытка создания нового пантеона героев средневековой русской истории. Но, несмотря на попытки популяризации некоторых персонажей (например, таких как Малюта Скуратов), он оказался крайне малочисленным. В коллективной памяти смогли закрепиться только двое: борец с царским режимом – Степан Разин и выходец из народа – Иван Сусанин. Однако, они не смогли стать полноценной заменой бытовавшему мифу о героических князьях. В такой ситуации разумным решением оказалась новая интерпретация уже сформированных образов. Именно благодаря этому Александр Невский постепенно трансформировался из святого благоверного князя в правителя-воина, защитника Руси от иноземцев, а Иван Грозный из царя-деспота в борца с боярами, притеснявшими трудовой народ.

Однако, несостоятельность трактовок некоторых образов вскоре стала очевидна и уже после Великой отечественной войны происходят значительные изменения в историческом сознании советского общества. На смену категоричным оценкам, под давлением общественного мнения, приходят более взвешенные и многие правители прошлого реабилитируются. Но даже с учетом этих изменений, большинство героев отечественной средневековой истории оставались на периферии массового исторического сознания. В таких условиях существенный рост популярности средневековой эпохи мог бы произойти лишь в условиях принципиальной смены идеологических парадигм. Началом таких перемен послужила перестройка и распад СССР.

В *третьей главе* представлен анализ наиболее востребованных источников формирования исторического сознания о русском средневековье в

постсоветской России. В параграфе «Допетровская Русь в исторической политике российской власти и восприятии российского общества в постсоветские годы: источники формирования исторической памяти и социальный контекст» продемонстрированы кардинальные изменения, произошедшие в информационном поле после распада СССР, краха прежней идеологической парадигмы, когда начался новый этап формирования массового исторического сознания. Художественная литература, освободившаяся от всех ограничений, накладывавшихся прежним режимом, обратилась к новым сюжетам. Публицистика этого периода отличается разнонаправленностью интересов авторов, придерживающихся отличных, порой противоположных, идеологических и политических позиций. Стремительно развиваются интернет-ресурсы, с помощью которых не только ретранслируются материалы других источников, но и формируется особый, интерактивный по своему характеру контент. В таких условиях становятся возможными различные варианты нового пантеона национальных героев, создание альтернативных версий национальной истории. В параграфе «Допетровская Русь в системе исторических представлений российского общества постсоветского периода» проводятся параллели между процессами формирования исторической памяти общества в современной России и России второй половины XIX – начала XX вв. Конфликтные объекты и болевые точки памяти, кризисные периоды истории, внутренние неурядицы отходят на второй план. В постсоветской России расстановка приоритетов в памяти о допетровской Руси постепенно становится схожа с дореволюционной ситуацией: XVII век постепенно теряет свою популярность, зато востребованными вновь становятся XIII–XIV столетия, монгольского ига. Смута, социальные потрясения, кризисы и войны XVII столетия уже не так популярны в массовом историческом сознании. На второй план отходят Степан Разин и Иван Грозный. Зато на первые позиции выдвигаются исторические персонажи, составлявшие пантеон героев в пореформенной России – Владимир Святой, княгиня Ольга, Александр Невский. Историческая память современного российского общества в условиях

информационной революции, осуществляющейся в последние десятилетия, пребывает в состоянии постоянной трансформации. С одной стороны, еще актуальны, и вероятно долгое время останутся таковыми, многие положения советского исторического дискурса, с другой, набирают силу новые тенденции в преподнесении тех или иных исторических событий.

В *заключении* приводятся итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения темы в контексте проблематики современных *memory studies*. В частности, отмечается, что рамки нашего исследования потребовали ограничиться изучением лишь части нарративных и аудиовизуальных источников формирования исторической памяти, в то время как в ходе работы выявилась необходимость изучения таких источников как устная традиция (фольклор, народные песни, сказания и т.д.), коммеморации (в том числе, церковные праздники), театральные постановки, иконопись и церковная архитектура, радио – и телепередачи, топонимика. Также имеется необходимость в анализе научной историографии с точки зрения ее роли в формировании исторической памяти. Обращение к этим сюжетам позволит рассмотреть новые важные аспекты формирования и бытования массовых исторических представлений. Таким образом, открываются перспективы для дальнейшего изучения исторической памяти о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XX вв. с привлечением более широкого круга источников.

**Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:
Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:**

1. Сосницкий Д.А. Владимир Святой в исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XXI века (по материалам нарративных источников) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3 (203). С. 100–106.

2. Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт–Петербургского университета. Сер. 2: История. 2014. Вып. 2. С. 106–126. (в соавторстве с Е.А. Ростовцевым).
3. Сосницкий Д.А. Человек и легенда. Почему Столыпин попал в пантеон российских героев? // Родина. 2012. № 4. С. 112–117. (в соавторстве с Е.А. Ростовцевым).
4. Сосницкий Д.А. Уже не Палкин? Николай I в зеркале российской исторической памяти // Родина. 2013. № 3. С. 128–130. (в соавторстве с Е.А. Ростовцевым).
5. Сосницкий Д.А. "А напивался в одиночку": Александр III в исторической памяти русского общества // Родина. 2015. № 2. С. 136–138. (в соавторстве с Е.А. Ростовцевым)

Другие публикации по теме исследования:

1. Сосницкий Д.А. Идеалы в которые верят... Мотив сакрального в исторических нарративах о войне (по материалам художественной литературы). Постановка проблемы // Война и сакральность: Материалы Четвертых международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербург–Выборг –Старая Ладога, 1-4 окт. 2009 г.). СПб., 2010. (в соавторстве с Е.А. Ростовцевым).
2. Сосницкий Д.А. Историческая память о допетровской Руси в XIX– начале XXI вв.: постановка проблемы и опыт исследования / Д.А. Сосницкий // Университетский историк: альманах. СПб., 2010. Вып. 7. С. 423–430.
3. Сосницкий Д.А. Иван Грозный в исторической памяти русского народа (на материалах художественной, публицистической и учебной литературы) // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (на материалах художественной, публицистической и учебной литературы). СПб., 2011. С. 471–474.

4. Сосницкий Д.А. Два взгляда на войну 1812 г.: Отечественная война на страницах школьных учебников императорской и советской России (1860–1930-х гг.) // 1812 год в судьбах России и Европы. СПб., 2012. С. 261–278. (в соавторстве с Е.А. Ростовцевым).
5. Сосницкий Д.А. Романовы в исторической памяти российского общества рубежа XX–XXI вв. Постановка проблемы // К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России: Сборник материалов международной научной конференции: в 2 ч. СПб., 2013. Ч. 1. С. 336–356. (в соавторстве с Е.А. Ростовцевым).
6. Сосницкий Д.А. Павел I и Александр I в исторической памяти российского общества конца XX – начала XXI в.: на материале нарративных источников // Труды Исторического факультета Санкт–Петербургского университета. СПб., 2013. Т. XI. С. 241–257. (в соавторстве с Е.А. Ростовцевым).